

PREMIERE

ИНОАФИША

На последнем Московском кинофестивале мы видели ее в «Высоких каблуках» Альмодовара — в гротескной, эксцентричной роли женщины-ребенка, чей инфантилизм оборачивается смертельной опасностью для окружающих ее людей. Капризная, неприкаянная, взбалмошная, немного истеричная, ее героиня кажется лицом современной цивилизации.

Виктория Абриль признается, что не собиралась становиться актрисой. Вначале увлекалась музыкой, танцами, работала на телевидении и даже... в цирке. Сыграв в нескольких фильмах испан-

мательный человек. Он умеет слушать других. Но это не значит, что ему все во мне нравится. Он делает так, чтобы я сама могла найти ответы на нужные мне вопросы, сыграла так, как нужно. Он умеет убедительно говорить. Один маленький намек — и вспыхивает искра!

— Имел ли для вас значение тот факт, что в «Любовниках» действие разворачивается в эпоху франкизма?

— Нет. Главное для меня то, что в этом фильме я впервые играю роковую женщину. Сначала думала, что мне придется исполнить роль — девственницы, которая собирается замуж. Кар-

— Я не чувствую моей героини. При съемках «Любовников» я тоже вначале не ощущала своего персонажа, но постепенно стала понимать ее лучше. Возможно, в определенных личных обстоятельствах я могла бы повторить многие ее поступки...

— Трудно ли одновременно сниматься и воспитывать детей?

— Ничего, все это к лучшему! Расширяется представление о жизни.

— Какое образование вы собираетесь дать вашим детям?

— Французское и испанское. Поэтому им придется работать в два раза больше.

Виктория
АБРИЛЬ:

«Я СОВСЕМ ДАЖЕ И НЕ ПРЕДМЕТ»

ских постановщиков, француженка Абриль по-прежнему считала, что это просто хобби. И только после работы в нескольких проектах Педро Альмодовара она поняла, что кино — это по-настоящему.

Только что Виктория Абриль завершила работу над фильмом «Любовники» испанского режиссера Висенте Аранда. В связи с выходом ленты на парижские экраны корреспондент «Премьера» Жюль Санье берет интервью у актрисы.

— Кем стал для вас Висенте Аранда?

«Крестным отцом». Я начала сниматься у него в возрасте пятнадцати лет. В 1977 году впервые сыграла в его фильме, и с тех пор у нас уже состоялось десять совместных проектов. Если я и стала актрисой, то только благодаря ему. Я — его «результат».

— Не слишком ли сильно сказано?

— Нет, это чистая правда. Если до знакомства с Аранда меня спрашивали, кто я, ответ был: танцовщица. Его фильмы сделали из меня актрису и совершенно изменили мою жизнь. Если сегодня у меня возникают сомнения относительно какой-нибудь роли, я обязательно подумаю о Висенте — что бы он сказал по этому поводу. И сразу чувствую себя поумневшей.

— И он всегда готов вам помочь?

— Висенте — очень вни-

мен Маура должна была играть вдову. Потом у нее изменились планы, и она не смогла играть. В это время я жила в Париже, была на седьмом месяце беременности и готовилась к роли девственницы! И вот в один прекрасный день мне звонит Аранда и предлагает сыграть вдову-злодейку. Я отвечаю, что он не должен подкладывать мне такую свинью, плачу, ругаюсь. Он просит меня успокоиться и ни о чем не думать до родов. Как только я стала матерью, роль предстала передо мной совершенно в ином свете.

— Значит, определяющую роль здесь сыграло ваше материнство?

— Во мне словно что-то включилось. До сих пор кинематограф видел во мне только женщину-объект, предмет мужских желаний. Впервые сыграла не предмет страсти, а противоположную сторону. Мне кажется, я вновь обрела себя, изобразив настоящую женщину.

— Вы только что закончили сниматься еще в одном фильме Висенте Аранда — «Чужак».

— Мне трудно говорить об этом фильме, потому что его еще не видела. Это история о душевных метаниях, действие происходит в буржуазных кругах, и у меня там роль чувственной и чувствительной женщины.

— Вы говорите об этом фильме с меньшим энтузиазмом, чем о «Любовниках».

Я хочу, чтобы они знали Сервантеса так же хорошо, как Мольера.

— А как вы сами живете в двойном культурном окружении?

— Я живу в Париже, но работаю в основном в Испании. Это продолжается уже одиннадцать лет. Мой друг и спутник жизни живет во Франции, он не хочет переезжать в другую страну. Так что у нас сплошной Маастрихт! Правда, я больше склонна к жизни в духе объединенной Европы, нежели он.

— Вы снимались у Сауры, но в его фильмах совсем не похожи на испанку.

— У нас с Саурой не получилось настоящего контакта. Мне кажется, что его Испания слишком мрачна, и он видит только темную сторону жизни. Даже когда я возвращалась в Париж, на меня давило воспоминание о «той» Испании. Мне не хотелось ни кастаньет, ни испанской чернухи. И все-таки думаю, что могла бы сыграть Кармен.

— Вы собираетесь сниматься в новом фильме Альмодовара. Насколько известно, он не имеет ничего общего с кинематографом Аранда?

— Висенте — марафонец, Педро — спринтер. Работа с первым, как я уже говорила, — антистресс. Со вторым — постоянный стресс, но результат стоит усилий. Работая с Альмодоваром, нужно не думать, а делать.

— О чем его новый фильм?

— Это комедия в стиле «Женщин на грани нервного срыва». Это отражение жизни, которую мы ведем; по телевизору постоянно показывают войны и голод. Возник новый тележанр: ризлито-шоу, в которых показывают самые страшные стороны жизни. Но зрителям все равно наплевать на страдания других! Действие фильма происходит в современном Мадриде, но могло разворачиваться в любом другом городе нашей планеты.

— Кого вы в нем играете?

— Моя героиня — журналистка, ведущая на телевидении ризлито-шоу «Самые плохие события дня». Она не просто ведет шоу — у нее есть специальное оборудование, позволяющее снимать скрытой камерой самые невероятные сюжеты. Дизайнер Жан-Поль Готье специально разработал для меня костюм — с камерой на голове и микрофонами на груди. Эта женщина-оркестр превращает страдание и боль в шоу, в спектакль. Вы знаете, что в Испании еженедельно выходят в эфир четырнадцать таких передач?

— Если вы перестанете сниматься в кино, вы будете скучать?

— Черт возьми, да! Если перестану сниматься, значит это уже не я!

Перевела с французского
Елена ТЕЛИНГАТЕР.